

А.В. КАРТАШЕВ

БЫЛ ЛИ АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ НА РУСИ?

Русь, как целая государственная народность, крещена св. кн. Владимиром. Но это событие имело свои корни в веках предшествующих...

Круг наших поисков нельзя обозначить с математической точностью, как нельзя указать его и для начала самой "Руси". Одно только было ясно даже для наших предков IX и начала XII веков, что "сде (т.е. в русской земле) не суть апостоли учили", что "телом апостоли не суть сде были"; так говорится в летописной повести об убиении варягов-христиан при Владимире. То же повторяет и преп. Нестор в своем житии Бориса и Глеба. Тем не менее, в одном из сказаний, входящих в состав "Повести временных лет", редактор его уже проявил тенденцию связать русское христианство с временами апостолов. Назвав нашего первоучителя Мефодия "настойником Андрониковым" (апостол из числа 70-ти), он продолжает: "темже словенску языку учитель есть Андроник апостол, в Моравы бо ходил; и апостол Павел учил ту, ту бо есть Илюрик, его же доходил ап. Павел, ту бо беша словени первое. Темже и словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел". Если таковы были взгляды русских людей по вопросу об апостольском сеянии на ниве русской до начала XII века включительно (момент образования "Повести Временных Лет"), то очевидно, лишь после этого времени они приняли ту уверенную форму, какая сообщена им повестью о посещении русской страны ап. Андреем Первозванным...

В VIII, IX и последующих столетиях накопившийся веками материал в форме апокрифических и церковных сказаний, кратких известий и посеянных всюду теми и другими местными преданий, послужил источником к составлению новых "деяний", "похвал" и "житий" апостолов. Здесь миссионерская деятельность ап. Андрея распадается на целых три проповеднических путешествия, скопированных с путешествий ап. Павла, причем Первозванный апостол уже с

полной определенностью проводится через Скифию европейскую и по северному и по западному побережью Черного моря проходит до Византии, где поставляет первого епископа для этого города — Стахия. Из повествований

последнего рода следует отметить рассказ монаха Епифания), так как в нем есть некоторые элементы, вошедшие впоследствии в русское сказание. Епифаний жил в конце VIII и нач. IX вв., когда жгучим вопросом современности был вопрос об иконах. Под влиянием этого церковного

интереса Елифаный, как и некоторые другие лица того времени, предпринял своего рода учено-археологическое путешествие по прибрежным странам Евксинского Понта, с целью изучить местные памятники и предания, касающиеся внешнего богочитания во времена апостолов. Поэтому в своем повествовании об ап. Андрее он тщательно отметил все священные изображения, жертвенники, храмы и кресты, ведущие свое начало, по рассказам местных жителей, от времени проповеди у них названного ученика Христа. Здесь, между прочим, не раз упоминается о "железном жезле с изображением животворящего креста, на который апостол всегда опирался". Неподдалеку от Никеи в Вифинии "блаженный ап. Андрей, низвергнув гнусную статую Артемиды, поставил там животворящее изображение спасительного Креста". Далее к востоку, в Пафлагонии "он избрал место молитвы, удобное для устройства жертвенника, и освятил его, воздвигнув знамение животворящего креста". Вот откуда ведут свое начало и крест и жезл, фигурирующие в двух версиях русского сказания. У монаха Елифанья ап. Андрей из кавказских стран, не обходя Меотического залива (Азовское море), через пролив (Керченский), приходит прямо в Боспор (Керчь); отсюда проходит в крымские города Феодосию и Херсонес; далее плывет морем на Синоп и возвращается в Византию. Гораздо смелее выражаются позднейшие греки и шире представляют себе район миссионерской деятельности ап. Андрея на север от Черного моря. Никита Давид Пафлагонский (кон. IX и нач. X в.), известный биограф патр. Игнатия, составил ряд риторических похвальных речей в честь апостолов. В похвале ап. Андрею он выражается так: "Получив в удел север, ты обходил Иверов и Сарматов, Тавров и Скифов, всякую страну и город, которые лежат на севере Евксинского Понта и которые расположены на его юге". "Итак, обняв благовестием все страны севера и всю прибрежную область Понта... он приблизился к оной славной Византии". Под таким углом зрения и терминология древних апокрифов теперь с решительностью применялась к странам южной России. Еще у хрониста Иоанна Малалы (VI в.) имя мирмидонян ("антропофагов" апокрифов) прилагается к болгарам, когда они обитали у Меотики, т.е. у Азовского моря. Для Льва Диакона (X в.) Мирмидония находилась там же, и мирмидоняне уже считались предками русских, а владения русских около Азовского моря назывались Мирмидонией. "Во всяком случае", говорит В.Г. Василев-

кий, "не подлежит ни малейшему сомнению, что в XI в. имя мирмидонян, наряду с другими, унаследованными от классической древности названиями, служило для обозначения русских. Таким образом, в византийском предании и литературе XI в. существовало очень много данных для составления хождения ап. Андрея по русской земле.

Византии самой нужна была легенда об ап. Андрее в таком полном ее развитии. Нужно было, во-первых, ограждать свою независимость от римских притязаний и доказывать свою равночестность Риму; во-вторых, — обеспечить себе самой господство над всеми по возможности церквами Востока. Как властительные претензии и успехи Рима основывались на том, что Рим есть седалище первоверховного апостола, так точно и Византия, для достижения первой из указанных целей, хотела убедить мир, что она тоже подлинная *Sedes apostolica*, не меньшая, если не большая, римской, потому что основана старшим братом ап. Петра, первым по времени учеником Христовым. У Никиты Пафлагонянина читаем такое обращение к ап. Андрею: "Итак радуйся, первозванный и начальный из апостолов, по достоинству непосредственно следующий за братом, а по призванию даже старейший, чем он, по вере в Спасителя и по учению изначальный не только для Петра, но и для всех учеников". Легенда утверждала, что ап. Андрей поставил своего ученика и преемника Стахия епископом Византии. Чья-то заботливая голова придумала и поименный список якобы 18-ти преемников Стахия вплоть до исторически известного первого епископа Византии Митрофана (315—325). Для достижения второй цели — обеспечения за собой господства над остальными восточными церквами — Византия проводила взгляд на ап. Андрея, как на апостола всего Востока. Характерен в данном отношении эпизодический рассказ в повествовании монаха Елифанья о том, как два брата-апостола разделили власть над вселенной: Петру выпал жребий просвещать западные страны, Андрею — восточные. Отсюда можно заключить, что Византия охотно поддерживала сказания о проповеди ап. Андрея в тех странах, где они существовали (Армения, Грузия) и даже старалась привить подобные предания в странах северных (Моравия, Россия), на которые простиралось ее влияние. О том, что византийцы при случае даже прямо внушали русским верование о проповеди на Руси ап. Андрея, мы имеем документальное свидетельство. Это — письмо к русскому князю Всеволоду Ярославичу, написан-

ное от лица императора Михаила Дуки (1072—1077) его секретарем, знаменитым ученым своего времени, Михаилом Пселлом, с целью сватовства за брата императора дочери Всеволода. Одним из аргументов к теснейшему союзу двух дворов служит здесь следующий: “Духовные книги и достоверные истории научают меня, что наши государства оба имеют один некий источник и корень и что одно и то же спасительное слово распространено в обоих, одни и те же самовидцы божественного таинства и его вестники провозгласили в них слово евангелия”. Понятно, что имеют в виду эти слова.

Итак, Византия дала все, что нужно для создания русского верования о насаждении у нас христианства ап. Андреем. И русское сказание не замедлило явиться. Его внутреннее несообразности — путешествие из Крыма в Рим через... Ладогу, принижение апостольского достоинства и т.п. так велики, что обычно ироническая критика Голубинского доходит здесь чуть не до сарказма. Но мы не будем бить лежачего. Постараемся только отыскать возможный ряд идей и материалов, давших начало отдельным составным частям сказания. Прежде всего автор должен был смутно сознавал пустынное состояние русской страны в начале нашей эры; поэтому он и ведет по ней апостола только мимоходом...

Занесенное в летописи, в прологи и в некоторые жития свв. (особенно в эпоху литературной производительности при всероссийском митр. Макарии) предание о хождении ап. Андрея по русской земле постепенно сделалось общерусским верованием. Русские, по свидетельству иностранцев, всегда с уверенностью высказывали его пред всеми, вопрошавшими их о вере. Иван Грозный на предложение иезуита Антония Поссевина унии, по примеру греков, отвечал: “Греки для нас не евангелие. Мы верим Христу, а не грекам. Мы получили веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат ап. Петра, приходил в эти страны, чтоб прийти в Рим. Таким образом, мы в Москве приняли христианскую веру в то самое время, как вы в Италии, и содержим ее ненарушимо”. Тем же аргументом и с не меньшей энергией защищал самобытность русских церковных обрядов перед греками Арсений Суханов (XVII в.) “веру вы изначала прияли от ап. Андрея, а мы также от ап. Андрея”. Хотя нужно заметить, что еще в начале XVI в. были русские книжники, не разделявшие этого убеждения. Так, известный старец псковского Елеазарова монас-

тыря Филофей, толкуя одно место из апокалипсиса (12. 14), писал о русской земле: “се есть пустынь, понеже святые веры пусти беща, и иже божественный апостоли в них не проповедаша, но последи всех просветися на них благодать Божия”. В одном сборнике XVI в. читаем: “а не бывшу некоторому апостолю в русской земли, но понести к сему языку милость Божия открыся”. А прев. Иосиф Печерско-коламский в своем Просветителе ставил даже вопрос: почему ап. Андрей не проповедывал христианства в русской земле? и отвечал так: “возбранен бысть от Св. Духа. Его же судьбы бездна многа и сего ради суть сна несказанная”.

С окончательным укреплением в Московской Руси предания о проповеди у нас ап. Андрея, оно возродилось в XVII в. и в Руси Киевской. Его встречаем мы в Палинодии Захарии Копыстенского, вышедшей в 1621 г. В том же году Киевский собор санкционировал это верование и решил установить праздник в честь первованного апостола. “Поелику”, говорят отцы собора, “св. ап. Андрей есть первый архиепископ константинопольский, патриарх вселенский и апостол русский, и на киевских горах стояли ноги его, и очи его Россию видели, и уста благословили, семена веры он у нас насадил, то справедливым и богоугодным делом будет восстановить торжество и нарочито праздник его. Воистину Россия ничем не меньше других восточных народов, ибо в ней проповедывал апостол”. После этого у южно-русов предание об ап. Андрее повторяется довольно часто, и возникают попытки определить место апостольского стояния и водруженного им креста. Сам Петр Великий не усумнился разделять это верование своих подданных, учредив первый в России орден именно в честь Андрея Первозванного с надписью: “Sanctus Andreas Patronus Rossiae”. Императрица Елизавета Петровна заложила в Киеве на Андреевской горе церковь в честь Апостола (1744), исполненную знаменитым Растрелли и представляющую шедевр нашего церковного рококо. А в 1832 г. “один археолог-мечатель, занимавшийся раскопками в Киеве, думал не только с полной точностью определить место водружения креста св. Андреем в фундаменте бывшей Воздвиженской церкви, но и найти остатки самого креста” (Мальшевский).

Между тем наука, в лице немцев XVIII в. и русских ученых XIX столетия, до крайности заподозрила веру в историческую значимость русского сказания. И действи-

тельно, как показывает приведенная нами вкратце литературная история сказания, возводить его в достоинство исторического свидетельства не приходится. Нельзя приписывать исторической ценности даже и греческим источникам за исключением, строго говоря, одних только первичных апокрифов, таящих в себе предания II и I веков и предания, записанного Оригеном. Но здесь уже мы, кажется, выходим за пределы досягаемости для исторического скепсиса. Не имея прямых данных к тому, чтобы без остатка отклонять предание об ап. Андрее, идущее от такой глубокой древности, и толкуя его в географическом отношении пока согласно с господствующим в науке мнением, мы без насилия ученой совести можем допускать, что первозванный апостол, если и не был в странах на север от Черного моря, то мог быть в Грузии и Абхазии, а может быть и в Крыму, освятить своими стопами, следовательно, часть территории позднейшей Державы Российской и потому географически стал ближайшим к нам самовидцем Христа, более, чем кто-либо другой из лика двенадцати — нашими патроном и апостолом земли русской. Но если бы даже ап. Андрей и не дошел физически в своих апостольских трудах до границ нашей земли, то это не меняет сути дела. Апостолы жребием решали (Деян. 1, 17-26) основные вопросы своего служения. Если, по согласному с этим древнейшему преданию, и все страны апостольского служения были распределены между апостолами тоже по жребию, и ап. Павел считал даже неприличным благовествовать там, где работали уже другие апостолы (Рим. 15, 16), — то жребий, выпавший каждому апостолу, и составил его, так сказать, географический узел на карте распространения христианства. Заповедь Христа апостолам — “быть Ему свидетелями даже до последних земли” (Деян. 1, 8) не требовала от них ничего невозможного и не сообщала им дара бессмертия. Пределы земли — это только идеальное максимальное задание, цель, направление. От Иерусалима как бы мысленно проведены радиусы, и заключенные между ними секторы круга составили уделы апостольства,

превышающие по своим вселенским размерам силы и срок жизни человека. Апостолы, уходя на проповедь в предназначенном каждому направлении, могли окончить свои дни естественной или мученической смертью даже сравнительно скоро по выходе из Палестины и сравнительно недалеко от нее, все равно они были посланы Духом Святым именно в данном направлении, в данные страны, они принципиально и духовно (а в лице своих продолжителей и преемников и конкретно) становились апостолами именно этих стран и обитающих в них народов, их небесными покровителями в истории навсегда. Так, напр., ап. Фаддей направился в Сирию (Эдесса) и чрез то может считаться апостолом самых дальних стран азиатского Востока, в свое время получивших христианство через посредство миссионеров сирского языка. Таковы были тюрские племена — Уйгуры и монгольские — Керaitы. Ап. Фома пошел в Индию. Тогда Индией назывались уже области северной Аравии, расположенные только в начале великого индийского пути. Поэтому христиане далекого Индустана и Цейлона вправе считать себя духовными детьми апостола Фомы. Он имел уже их в своем сердце, идя в их направлении. Ап. Андрей пошел в страны севера, через Ливан-Антиливан к нашему Закавказью, Черноморью и Скифии. На каком этапе он окончил свое земное поприще, мы в точности не знаем. Так называемое Епифаниево сказание, напр., повествует, что ап. Андрей нашел мученическую смерть в Патрасс Ахайском. Но это не меняет нашего отношения к нему, как апостолу наших стран, и его к нам, как его вожделенным крещальным детям. Не ошиблись наши предки, развив легенду о благословении первозванным апостолом русского христианства, но ошибаемся мы, их потомки, что не чтим особо торжественно и сознательно для церковной памяти ап. Андрея, положенной 30 ноября стар. стили. Пора нам созреть и до этого, как мы созрели до празднования наших христианских просветителей: благоверного вел. кн. Владимира и свв. солунских братьев — Кирилла и Мефодия...

* * *

Епархия Таматарханская вошла позднее в число первых епархий новорожденной русской церкви и, в качестве титулярной (т.е. уже несуществующей), встречается в греческих актах XII и даже XIV в. Может быть на первый раз покажется даже странным, если мы скажем, что здесь, в христианской Таматархе, да еще в VIII в., т.е. до условного “начала” русского государства, мы пришли уже в самую Русь.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКОН, ИГУМЕН КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ, УГОДНИК ТМУТОРОКАНСКИЙ (ТАМАНСКИЙ)

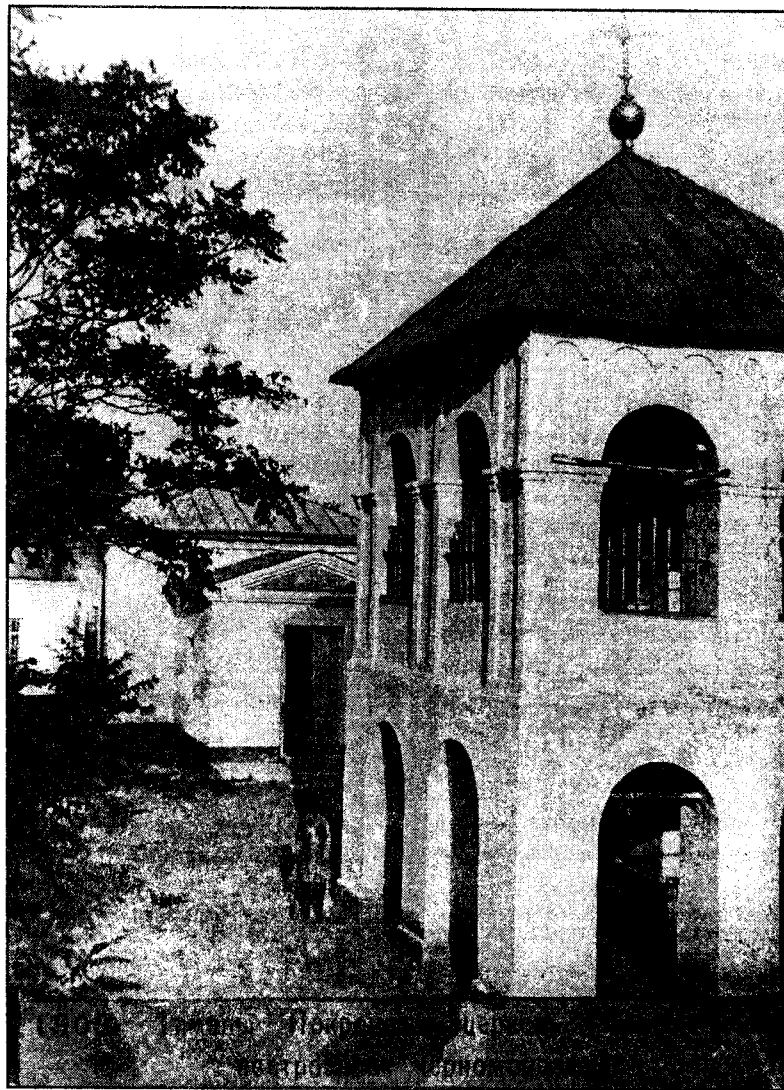
В 1073 г. великий же Никон удалился на остров Тмутороканский — и, найдя чистое место у города, поселился там, безмолствуя и неленостно служа Богу, прибавляя труды к трудам, и удивляя народ строгою своею жизнью, так что слава его протекала повсюду, и приходили к нему граждане и многие другие и дивились. Ибо они не были еще утверждены в вере, и о монашеской жизни

даже не слышали. Но, наставляемые Богом, они хотели последовать иноческому благоувию и молили преп. Никона, постричь их. Он же поучал их и постригал, и соорудил там церковь Пресвятой Богородицы, и так, благодатию Божею и молитвами преп. Никона возрасло то место, и образовался там славный монастырь во всем подобный Печерскому.

В 1809 году черноморцы устроили у себя в Тамани первую школу при Св. Покровской церкви.

“Кругом песок и пустыня и только одна “церковь на веселом месте, осененная деревьями, с оградой и плодовитым садом служит образцом привязанности к вере Черноморцев. Она при хорошей наружности, пространна, светла, имеет доброй живописи иконостас и богатую утварь”.

рев
пер
роу
шир
Рез
нем
же
го х
тел
нов
чин
пол

Из письма черноморского казака Старотитаровского куреня Константина Синкевича своему другу казаку куреня Нововеличковского Василию Борзику.

60-е годы XIX века.

На этой фотографии изображен пятиглавый деревянный Войсковой собор, построенный первыми переселенцами из запорожцев в Черноморию и устроителями города Екатеринодара. Он был так обширен, что в нем смело мог поместиться целый полк. Резонанс в нем был чудный. Невольно у молящихся в нем являлось благоговение во время церковного служения при чудных, гармонических звуках Войскового хора. В соборе по правую сторону было вместительное возвышение, где всегда и очень часто становились во время церковного бдения атаман и все чины войска. У стены возвышения размещены были полковые знамена. Вокруг собора, как и теперь, раз-

двигалась площадь, оканчивающаяся теперешними флигелями госпиталя, построенными тоже первыми переселенцами. Позади флигелей шли глубокие ровы и валы, на коих стояли пушки, почему все это пространство называется и до сих пор крепостью. На месте этого собора, снесенного в семидесятых годах за ветхостью, теперь стоит небольшая церковь. Под деревьями видна кладовая, где под забором одного висячего наружу замка и под охраною одного часового хранились войсковые суммы во всю долгую темную ночь. На втором снимке изображен молебен и парад по случаю окончания Кавказской войны.

